

ВАЛИС (аббревиатура: Всеобъемлющая активная логическая интеллектуальная система, из американского фильма) — возмущение в поле реальности, в котором формируется спонтанный самоуправляемый негентротический вихрь, самопроизвольно переводящий свою среду в категоризированную информацию. Характеризуется наличием псевдосознания, цели, разума, роста и строгой дисциплины.

Большой Советский словарь,
шестое издание, 1992 г.

1

Нервный срыв у Толстяка-Лошадника начался в тот день, когда ему позвонила Глория и спросила, нет ли у него нембутала. Он спросил, зачем ей нембутал, и она ответила, что хочет себя убить. В поисках нембутала она звонила всем знакомым и собрала почти пятьдесят таблеток — а ей требовалось штук на тридцать-сорок больше, чтобы уж наверняка.

Толстяк-Лошадник сразу решил, что так она просит помощи. Толстяк вообще многие годы пребывал в заблуждении, будто способен помочь людям. Его психиатр как-то дал ему два совета: завязать с наркотиками (чего он не сделал) и бросить попытки помочь людям (он по-прежнему пытался помочь людям).

Нембутала у него не было, как не было и никакого иного снотворного. Толстяк никогда не принимал снотворное; он принимал апперы¹. И просто не мог дать Глории нембутал, чтобы та с собой кончила. Да и в любом случае так не поступил бы.

¹ Жаргонное название препаратов группы амфетаминов. (Здесь и далее, кроме особо оговоренных случаев, примечания переводчиков.)

— У меня есть десять таблеток, — солгал он.

Потому что, скажи он правду, Глория повесила бы трубку.

— Я к тебе подъеду, — ответила Глория совершенно естественным голосом, тем же самым спокойным, рациональным тоном, каким просила нембутал.

Тогда Толстяк понял, что она не хочет помощи; она действительно хочет умереть. Глория совершенно свихнулась. Будь она в своем уме, поняла бы, что подобное намерение надо скрывать, иначе друг будет чувствовать себя виноватым. Только желая ее смерти, можно согласиться на такое. А желать ее смерти у него причин не было. Да и ни у кого не было — Глория была тихая и мягкая, только кислоткой чересчур увлекалась. Совершенно ясно, что за полгода, которые они не виделись, наркотики полностью выжгли ей мозги.

— Ты чем занималась? — спросил Толстяк.

— Меня держали в больнице в Сан-Франциско — я хотела покончить с собой, и моя мать меня заложила. Выписали только на прошлой неделе.

— Ты вылечилась? — спросил он.

— Да.

Тогда-то Толстяк и начал сходить с ума. В то время он этого не знал, но его втянули в отвратительную психологическую игру. Выхода не было. Глория Кнудсон уничтожила собственные мозги, а вместе с ними и своего друга. Возможно, подобными разговорами она уничтожила еще шесть или семь своих друзей, тех, кто ее любил; бесспорно, она уничтожила мать и отца. В безмятежно звуча-

щем голосе Толстяк слышал нотки нигилизма, отзвук пустоты.

Тогда он еще не знал, что стремление сойти с ума — порой вполне адекватная реакция на реальность. Его заразила рациональная просьба Глории дать ей умереть. Получилось как в китайской игре-ловушке — чем сильнее тянешь, тем труднее вытащить палец.

— Ты сейчас где? — спросил Толстяк.

— В Модесто. У стариков.

Толстяк жил в округе Марин; стало быть, ей ехать несколько часов. Он вряд ли поехал бы в такую даль. Еще одно доказательство безумия: по три часа туда и обратно ради десятка таблеток нембутала. Рационально выполнить свое нерациональное решение Глория не могла. «Спасибо, Тим Лири¹, — подумал Толстяк. — Тебе и твоим радостям расширенного — благодаря наркотикам — сознания».

Он не знал, что под вопросом его собственная жизнь. Дело было в 1971-м. А в 1972-м в Ванкувере, в Канаде, одинокий, бедный и напуганный, Толстяк попытается покончить с собой. Сейчас он ни о чем подобном не догадывался. И хотел лишь одного — заманить Глорию в округ Марин и помочь ей. Благодарение Господу, мы способны забывать. В 1976-м, свихнувшись от горя, Толстяк-Лошадник перережет себе вену на запястье, примет сорок девять таблеток дигиталиса и запрется в гараже,

¹Тимоти Лири — профессор Гарвардского университета, автор книг с названиями вроде «Психоделический опыт». Один из его призывов гласил: «Проглоти, настройся, отрубись».

в машине с работающим двигателем — и все равно ничего не выйдет. У тела есть силы, неподвластные разуму.

Вот разум Глории контролировал тело полностью; она была *рационально* безумна.

В большинстве случаев безумие можно установить по эксцентричным выходкам и театральным эффектам. Человек надевает на голову кастрюлю, оборачивается баннным полотенцем, размалевывает тело фиолетовой краской и отправляется на прогулку. Глория же была спокойнее и невозмутимее обычного. Вежлива, цивилизованна. Живи она в Древнем Риме или Японии, никто бы ничего не заметил. Даже ее манера водить машину не изменилась — Глория исправно останавливалась на каждом светофоре и за время всей поездки за десятью таблетками нембутала ни разу не превысила скорости.

Я — Толстяк-Лошадник, однако пишу эти записки от третьего лица ради того, чтобы добиться столь необходимой объективности. Я не любил Глорию Кнудсон, но она мне нравилась. В Беркли они с мужем давали изысканные вечеринки, и мы с женой неизменно бывали в числе приглашенных. Глория часами готовила крохотные сэндвичи и к тому же подавала к столу самые разнообразные вина. Она со вкусом одевалась и всегда выглядела очень привлекательно — особенно мне нравились коротко стриженные соломенные кудряшки.

Как бы то ни было, у Толстяка-Лошадника не нашлось для нее нембутала, и спустя неделю Глория выбросилась из окна одиннадцатого этажа Шинанон-билдинг в Окленде, штат Калифорния, и раз-

билась в лепешку о мостовую бульвара Макартура, а Толстяк-Лошадник продолжил свое тайное, долгое падение в страдание и болезнь, в тот хаос, который, по словам астрофизиков, ожидает нашу Вселенную.

Толстяк в этом опередил и свое время, и саму Вселенную. Постепенно он забыл, что послужило толчком к его падению в энтропию; Господь милостиво закрывает для нас не только будущее, но и прошлое. После известия о самоубийстве Глории Толстяк в течение двух месяцев рыдал, смотрел телевизор и долбился наркотой; его мозги уже тогда поехали, но Толстяк еще не знал об этом. Безгранична милость Божия.

Собственно говоря, годом раньше Толстяк потерял жену, которая тоже свихнулась. Это было как чума, и никто не мог понять, только ли в наркотиках дело. Те годы — с шестидесятого по семидесятый — в Америке, а особенно в Северной Калифорнии, в районе Залива¹, были совсем паршивые. Как ни досадно, но это факт, и самые причудливые термины и замысловатые теории его не скроют.

Власти предержавшие стали такими же психопатами, как и те, за кем они охотились. Им хотелось избавиться от любого, кто не вписывается в истеблишмент. Толстяк заметил, что полицейские смотрят на него со свирепостью цепных псов. Когда чернокожую марксистку Анджелу Дэвис выпустили из тюрьмы округа Марин, полиция перекрыла весь административно-общественный центр

¹ Район Залива — один из крупнейших мегаполисов США, в который входят города Сан-Франциско, Окленд, Сан-Хосе и их пригороды.

города — мол, необходимо воспрепятствовать радикалам в нарушении порядка. Лифты отключили, на дверях повесили фальшивые таблички с ложной информацией, а прокурор округа куда-то исчез.

Толстяк видел все это своими глазами. В тот день он отправился в центр вернуть книгу в библиотеку. Два копа у входа по листику перетрясли книгу и другие бумаги, которые нашлись у Толстяка. Он пришел в недоумение и оставался в этом состоянии весь день. В кафетерии вооруженный полицейский наблюдал за тем, как посетители едят. Толстяк вернулся домой на такси, поскольку побоялся ехать на своей машине, и решил, что окончательно спятил. Он и в самом деле спятил, однако то же самое можно было сказать и об остальных.

По профессии я писатель-фантаст и имею дело с фантазиями. Сама моя жизнь — фантазия. Но Глория Кнудсон все равно лежит в гробу в городе Модесто, штат Калифорния. В моем альбоме есть фотография венков на ее похоронах. Фотография цветная, поэтому хорошо видно, какие венки красивые. На заднем плане припаркован «Фольксваген». Можно разглядеть и то, как я крадусь к «Фольксвагену» прямо посреди зауспокойной службы. Я больше не в состоянии выносить все это.

После службы я, бывший муж Глории Боб и несколько его — и ее — печальных друзей пообедали в модном ресторанчике неподалеку от кладбища. Официантка отвела нам место в углу, поскольку трое из нас смахивали на хиппи, несмотря на костюмы и галстуки. Нам было плевать.

Не помню, о чем шел разговор за столом. Накануне вечером мы с Бобом — я хотел сказать, Боб

и Толстяк-Лошадник — ездили в Окленд посмотреть фильм «Паттон». Прямо перед началом заупокойной службы Толстяк впервые в жизни увидел родителей Глории. Как и их покойная дочь, они отличались чрезвычайной вежливостью. Несколько друзей Глории устроились в старомодной, в стиле ранчо, гостинице, вспоминая ту, что связала их между собой. Само собой, на миссис Кнудсон было слишком много косметики; женщины всегда чрезмерно красятся, когда кто-то умирает.

Толстяк гладил Председателя Мао — кота покойницы. Он вспомнил те несколько дней, что Глория провела у него, приехав за нембуталом. Когда ложь раскрылась, Глория встретила это известие спокойно, даже безразлично. Если собираешься умереть, мелочи перестают иметь значение.

— Я их взял, — сказал ей Толстяк; еще одна ложь.

Решили поехать на пляж, большой океанский пляж Пойнт-Рейс. Глория села за руль (Толстяку ни на мгновение не пришло в голову, что, поддавшись импульсу, она может угробить и его, и себя, и машину), и часом позже они уже расположились рядышком на песке, покуривая травку.

Больше всего на свете Толстяк хотел понять, почему Глория решила убить себя.

На Глории были стиранные-перестиранные джинсы и футболка со злобной физиономией Мика Джаггера. Поскольку песок был очень мягкий, она сняла туфли. Толстяк обратил внимание, что тщательно обработанные ногти на пальцах ног покрыты розовым лаком. Он подумал, что Глория умирает так же, как и жила.